

Т е м а н о м е р а : О б р а з о в а н и е и м о л о д ё ж ь в Р о с с и и

Молодёжь после получения среднего образования: о б р а з о в а т е л ь н ы е и профессиональные траектории

Чередниченко Галина Анатольевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН

e-mail: galcher50@mail.ru

Молодёжь после получения среднего образования: образовательные и профессиональные траектории

Аннотация

На материалах лонгитюдного социологического исследования (1998–2008 гг.) жизненных путей выпускников средних школ, средних специальных учебных заведений и профессиональных училищ Новосибирской области анализируются процессы формирования образовательных и профессиональных траекторий молодёжи, накопление ею в течение 10 лет самостоятельной жизни образовательных ресурсов и его воздействия на объективное социально-профессиональное положение.

Abstract

The paper is based on the results of longitudinal study (1998–2008) of lives among those leaving secondary schools, specialized secondary schools and training colleges of Novosibirsk region. The author analyzes processes of youth educational and professional trajectories formation, accumulation of educational resources taking place during the 10-years period of independent life as well as its influence upon objective social-professional positions.

Ключевые слова: образовательные и профессиональные траектории, накопление образовательных ресурсов, человеческий капитал, формальное и дополнительное образование, социально-профессиональный статус

Keywords: educational and professional trajectories, accumulation of educational resources, human capital, formal and additional education, socio-professional status

Тесная взаимосвязь между экономическим ростом и развитием образования в современном мире ориентирует стратегию образовательной политики на активное стимулирование инвестиций в человеческий капитал. Это порождает повсеместное расширение охвата молодёжи всё более высокими уровнями образования. В сложившихся реалиях образование продолжает во многом восприниматься молодёжью в качестве

инструментальной и терминальной ценности, хотя не всеми молодыми оно осознается как необходимый ресурс, реально способный повысить благосостояние, уровень и качество жизни. В результате разные группы молодёжи весьма дифференцированно вовлечены в повышение уровня своего интеллектуального развития, накопление и обновление необходимых знаний и навыков. В этой связи особенно важны знания о том, как в условиях сегодняшнего российского общества складываются образовательные и профессиональные траектории молодых представителей разных социальных групп, получивших различный уровень формального стартового образования; каковы избираемые молодёжью стратегии с точки зрения формирования и накопления человеческого капитала.

В методологическом плане обращение к концептам «образовательная и профессиональная траектории» вместо традиционных понятий перехода от образования к труду вызвано трансформациями социальной практики. Традиционная модель перехода «учёба – работа» как дискретный процесс смены учебной деятельности на трудовую всё более уходит в прошлое. Расширение инвестиций в образование (общее, профессиональное, дополнительное – в структурах как формального, так и неформального и информального обучения), а также широкое распространение среди молодёжи нестандартной занятости и новых форм гибкого использования рабочей силы (позволяющей совмещать и/или попеременно чередовать учёбу и работу) сформировали за последние 15–20 лет новую модель: длительный взаимосвязанный процесс попеременного или параллельного обращения и возобновления учёбы и работы. Таким образом, у нас в стране складывается ситуация, аналогичная той, что наблюдается и достаточно давно фиксируется социологами (см.: [1; 2]) в развитых странах Запада, – пролонгирование периода чередования/совмещения самых разнообразных форм образования и труда.

Важнейшим методологическим инструментом изучения образовательных и профессиональных траекторий молодёжи становится теория человеческого капитала¹ и лежащая в его рамках парадигма непрерывного образования. Под человеческим капиталом понимается совокупность воплощённых в человеке экономически ценных ресурсов – знаний, навыков, мотиваций, способностей к восприятию и продуцированию новой информации, – целесообразно используемых им в процессе труда, содействующих росту его производительности и заработка. Он формируется как накопленный результат образовательной и практической деятельности в течение предшествующей жизни и неотчуждаем от его носителя (человека). Образование рассматривается не как потребительское, а как инвестиционное благо, поскольку вложения в человеческий

¹ Сформулирована на рубеже 1950–1960-х гг. Т. Шульцем и Г. Беккером (см.: [3; 4; 5, с. 49–155]). Об истории и различных направлениях исследований в ракурсе теории человеческого капитала (см.: [6, с. 7–56]).

В сложившихся реалиях образование продолжает во многом восприниматься молодёжью в качестве инструментальной и терминальной ценности, хотя не всеми молодыми оно осознается как необходимый ресурс, реально способный повысить благосостояние, уровень и качество жизни.

Важнейшим методологическим инструментом изучения образовательных и профессиональных траекторий молодёжи становится теория человеческого капитала и лежащая в его рамках парадигма непрерывного образования.

капитал обеспечивают, как правило, его обладателю получение в дальнейшем более высокого дохода. Данная теория, как и вся неолиберальная парадигма, в рамках которой эта теория развивается, возлагает всю ответственность за собственные жизненные успехи или неудачи на самого индивида.

Образовательные и профессиональные траектории молодёжи тесно связаны, поскольку рекурсивно связаны рынок труда и система образования. Вместе с тем, они являются всё же разнородными формами перемещения в пространстве социальных позиций. Образовательная траектория может быть определена как получение её субъектом формальных квалификаций, институционально подтверждённых компетенций, информально приобретённого опыта в виде знаний и навыков, то есть она представлена не только как движение прежде всего от «уровня» к «уровню» образования, от диплома к диплому, от квалификации к квалификации, но и как формально не фиксируемое приращение и приумножение знаний и навыков. Профессиональная траектория определяется с точки зрения перехода субъекта от одной позиции на рынке труда к другой, эти позиции различаются уровнем оплаты труда, квалификации, социальным статусом профессии и оцениваются в ракурсе карьерной успешности/неуспешности. Таким образом, образовательная траектория может выступать в виде своего рода «инвестиций», а профессиональная траектория становится социальным полем применения данных ресурсов или их конверсии в соответствующие позиции на рынке труда. Выстроенную логику связи следует понимать, прежде всего, как теоретическую схему, упрощающую в аналитических целях в реальности взаимосвязанные процессы. Для индивида путь в образовании и путь в профессии одинаково самоценны, а образовательная и профессиональная траектории оказываются рядоположенными как в ценностных ориентациях, так и в социальной практике.

Накопление образовательных ресурсов

Изучение процессов накопления образовательных ресурсов в ходе формирования профессиональных траекторий молодёжи базируется на материалах исследовательского проекта «Профессиональные и образовательные траектории молодёжи в изменяющейся России», который реализуется в ИС РАН на основе лонгитюдного социологического исследования 1998–2008 гг.¹ Оно охватывает одну и ту же когорту молодёжи серией опросов: выпускников полных средних школ, средних специальных учебных заведений (ссузов) и профессиональных

¹ Материалы данного исследования представлены в: [7–11]. Банк данных социологического исследования содержит информацию о 1246 выпускниках дневных средних школ, ссузов и ПУ.

училищ (ПУ) Новосибирской области в 1998 г. в ходе их первого выбора места учёбы и/или работы, и в 2008 г. – спустя 10 лет их самостоятельного образовательного и трудового пути; дополнительно в 2008 г. осуществлялось качественное исследование – интервьюирование части респондентов выборки.

Стартовый образовательный ресурс (тот тип среднего учебного заведения, которое первоначально оканчивают юноши и девушки) оказывается существенной социальной характеристикой, дифференцирующей дальнейшее накопление ими образовательного капитала, проявляющейся длительно, явно и латентно в складывающихся образовательных и профессиональных траекториях разных групп молодёжи. Оговорим сразу, что здесь имеется в виду: 1) непосредственно сама полученная различная подготовка – разный объём культурного капитала, накапливаемый при получении среднего образования в дневной средней школе, ссузе и ПУ, а также обретение в ссузах и ПУ профессиональных квалификаций различающихся уровней; 2) особенности социальных характеристик молодёжи (при переходе от школы к ссузу и от ссуза к ПУ – отрицательный отбор контингентов учащихся с точки зрения успеваемости, а также ресурсов образования, статуса, материального положения их семей¹). Эти различия продуцируют дифференциацию в преобладающих системах ценностей, в том числе в ценности образования и мотивации к его повышению, а также различия в стратегиях и реальном поведении указанных трёх групп молодёжи в дальнейшем в сферах образования и труда и именно в этом смысле проявляются как «влияние образовательного потока» (факта окончания школы, ссуза или ПУ) на формирование образовательных и профессиональных траекторий молодёжи. Во избежание путаницы в дальнейшем изложении (где придётся часто оперировать понятиями различных уровней образования) зафиксируем за тремя группами молодёжи факт получения ими разного типа стартового среднего образования и будем их называть: «бывших выпускников полных средних школ» соответственно «поток “школа”», «бывших выпускников ссузов» – «поток “ссуз”», «бывших выпускников ПУ» – «поток “ПУ”».

Процесс накопления человеческого капитала разными потоками молодёжи прослеживается при сравнении занимаемых позиций в сфере образования по двум хронологическим срезам (см. таблицу 1): сразу после окончания средних учебных заведений (1998 г., данные левых колонок) и спустя десять лет жизни (2008 г., данные правых колонок).

¹ Социально-профессиональный статус семьи учащегося определялся по высшему уровню статуса отца или матери. Состав семей учащихся по укрупненным группам: 1) руководители, специалисты с высшим образованием; 2) мелкие собственники; 3) служащие, мастера, бригадиры; 4) рабочие – распределяется следующим образом: поток «школа» – 45%, 15%, 26%, 13%; поток «ссуз» – 32%, 8%, 30%, 26%; поток «ПУ» – 13%, 7%, 10%, 69%. Распределение отцов по уровням образования 1) высшее; 2) среднее специальное; 3) ПТУ; 4) среднее общее и неполное среднее выглядит так: «школа» – 36,4%, 31,6%, 8,5%, 20,2%; поток «ссуз» – 17,3%, 30,6%, 22,3%, 22,3%; поток «ПУ» – 8,5%, 19,7%, 23,9%, 42,2%.

Таблица 1

**Уровень получаемого (имеющегося) и достигнутого
образования у разных «потоков» молодёжи
в год окончания среднего учебного заведения (1998)
и спустя десять лет (2008), Новосибирская область, %**

Имеют или получают образование	Поток «школа»		Поток «ссуз»		Поток «ПУ»	
	1998	2008	1998	2008	1998	2008
Полное среднее общее	4,0	5,9	-	-	-	-
Начальное профессиональное	7,4	6,6	-	-	46,6 + 24,4	64,0
Среднее специальное	22,4	14,3	53,3 + 3,3	48,4	10,5	18,6
Незаконченное высшее	-	4,8	-	6,6	-	2,3
Высшее	65,8	64,0	38,5	43,4	1,2	15,1
Второе высшее, аспирантура	-	4,4	-	1,6	-	-
Нет информации	0,4	-	4,9	-	17,4	-
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Уже в ходе первого распределения – в 1998 г. – обнаружилось основное различие между потоком «школа» и потоками «ссуз» и «ПУ»: первые практически все (95,6%) продолжают своё обучение, причём большинство в вузах (65,8%), а вторые во многом чаще сохраняют уровень полученного начального или среднего профессионального образования. В этом нет никакой неожиданности: типичные пути молодёжи разных потоков соответствуют назначению разных типов средних учебных заведений. Выпускники средней дневной школы уже многие десятилетия в подавляющем большинстве, особенно в крупных и средних городах, сразу после окончания школы поступают в вузы (наш массив включает выпускников школ малых городов и сёл, что снижает общую долю поступивших в вузы до двух третей; соответствующий показатель для выпускников крупнейшего города Новосибирска – 72,5%). Та молодёжь, которая после окончания 9-летки обращается к учёбе в ссузе и ПУ, делает это ради получения профессиональной подготовки наряду со средним образованием. Поэтому неудивительно, что большинство выпускников ссузов и ПУ по их окончании используют полученную подготовку и выходят с имеющимся уровнем образования на рынок труда: 53,3% выпускников ссузов (и ещё 3,3% поступают вновь в другие средние специ-

альные учебные заведения) и 46,6% выпускников ПУ (и 24,4% продолжают ещё один год в тех же ПУ углублять полученные или осваивать дополнительные специальности¹).

Наряду с наиболее типичными существуют и другие каналы подготовки, к которым, хотя и в меньшей степени, обращается молодёжь разных потоков в год окончания среднего учебного заведения. Среди всех выпускников дневных школ 22,4% поступают в средние специальные учебные заведения и совсем небольшая часть – 7,4% – в ПУ (из числа сельской молодёжи соответственно 27,5% и 31,3%). У окончивших ссузы вторым существенным узлом притяжения является поступление в вуз – 38,5%, часть этой подгруппы оказывается в высшей школе благодаря договорным отношениям между однопрофильными учебными заведениями о приёме успешных выпускников ссуза в вуз. Лишь совсем небольшая часть выпускников ПУ продолжает учёбу, при этом система СПО оказывается гораздо более доступной (поступает 10,5% контингента), нежели высшая школа (1,2%).

Основной чертой накопления за десять лет образовательного капитала молодёжью становится увеличение доли тех, кто прошёл через систему высшего образования. В потоке «школа» такое увеличение (с 65,8% до 73,2%²) происходит за счёт перераспределения выпускников, поначалу поступивших в ссуз или ПУ: доли получавших в первый год и имеющих спустя десять лет такое образование соответственно сократились с 22,4% до 14,3% и с 7,4% до 6,6%. Таким образом, господствующая латентная ориентация молодёжи, оканчивающей дневные средние школы, на высшее образование оказывается очень устойчивой; и она, в конечном счёте, перекрывает альтернативные варианты выбора, превращая их во временный компромисс.

В потоке «ссуз» приращение доли прошедших через учёбу в высшей школе (с 38,5% до 51,6%) разделило его на две равновеликие подгруппы: сохранивших среднее профессиональное и получивших высшее образование. Данный факт ретроспективно подтверждает, что через этот канал подготовки реализуются две типичные стратегии, направляющие выбор молодёжи в момент окончания 9 классов школы: короткий путь получения относительно квалифицированной специальности и альтернативный дневной школе вариант обеспечения доступа в высшую школу. У части молодёжи в планах выбора нередко более или менее осознано присутствуют обе стратегии – первая как страховка второй на случай неблагоприятного стечения жизненных обстоятельств.

Поток «ПУ» наиболее стабилен в сохранении той подготовки, которая молодёжи даётся в «стартовых» профессиональных училищах – 64,0% лиц сохраняют спустя десять лет начальное профессиональное образование. Накопление образо-

¹ В тот период такая подготовка предлагалась в ПУ на коммерческой основе.

² Включены получившие одно и два высших образования, подготовку в аспирантуре, имеющие неполное высшее образование и сейчас обучающиеся в вузе.

Господствующая латентная ориентация молодёжи, оканчивающей дневные средние школы, на высшее образование оказывается очень устойчивой; и она, в конечном счёте, перекрывает альтернативные варианты выбора, превращая их во временный компромисс.

В потоке «ссуз» приращение доли прошедших через учёбу в высшей школе (с 38,5% до 51,6%) разделило его на две равновеликие подгруппы: сохранивших среднее профессиональное и получивших высшее образование.

Поток «ПУ» наиболее стабилен в сохранении той подготовки, которая молодёжи даётся в «стартовых» профессиональных училищах – 64,0% лиц сохраняют спустя десять лет начальное профессиональное образование.

вательного потенциала в институциональной форме происходит здесь почти в равной мере ещё по двум каналам: спустя десять лет 18,6% молодёжи получают среднее профессиональное образование и 15,1% – высшее (плюс 2,3% неполное высшее). В отличие от потока «ссуз» у выпускников ПУ не было институциональных льгот при поступлении в вуз, между тем относительный прирост молодёжи, прошедшей через систему высшего образования, здесь был самым большим: увеличение на порядок – с 1,2% до 17,4%.

Молодёжь накапливает человеческий капитал и в виде дополнительного образования в разных его формах – на профессиональных и краткосрочных курсах, тренингах, деловых играх, в системе повышения квалификации и переподготовки, дистанционного образования, обучения через интернет. Всего такого рода образование за рассматриваемые десять лет получили в целом 47,1% молодёжи потока «школа», 35,2% – потока «ссуз» и 29,1% – потока «ПУ». Одновременно внутри потоков доля получивших дополнительное образование растёт прямо пропорционально уровню институционального образования (см. таблицу 2). В совокупности эти результаты подтверждают известный социологический факт – «образование есть удел образованных», то есть, чем выше и качественнее имеющееся образование, тем более разбужены образовательные потребности и тем чаще люди прибегают к учёбе, инвестируют в образование, в том числе и дополнительное. Именно более развитыми личными мотивациями и более инициативным отношением к самообразованию может быть объяснён тот факт, что среди достигших одинакового уровня формального образования обращение к дополнительному обучению растёт от потока «ПУ» к потоку «ссуз» и далее потоку «школа» (соответствующие показатели среди лиц с высшим образованием равнялись 27%, 42% и 54%).

Таблица 2

**Доля получивших дополнительное образование
в зависимости от уровня институционального
образования, %**

Уровень имеющегося образования	Поток «школа»	Поток «ссуз»	Поток «ПУ»
Среднее общее	25,0	-	-
Начальное профессиональное	22,2	-	30,9
Среднее профессиональное	35,9	28,8	25,0
Незаконченное высшее	41,7	37,5	-
Высшее (в т. ч. два высших, аспирантура)	54,0	41,8	26,6
Итого	47,1	35,2	29,1

Здесь отражается и влияние сигналов, идущих от рынка труда к рабочим местам, предполагающим наличие разного уровня формального образования. Так, наиболее высокие требования повышения квалификации, переподготовки, совершенствования навыков работы, приобретения новых навыков и знаний рынок труда диктует лицам, занятым на рабочих местах, предполагающих наличие высшего образования. В то время как рабочие места средней квалификации (с подготовкой в СПО), а тем более квалифицированных исполнителей (с подготовкой в НПО) предъявляют менее значительные запросы. Соответственно, например, в потоке «школа» обращаются к дополнительному обучению чаще других те, кто прошёл через подготовку в вузе (54,0%), чуть реже – достигшие незаконченного высшего (41,7%) и среднего специального (35,9%), и менее всех – имеющие среднее общее (25,0%) и начальное профессиональное образование (22,2%). Аналогичная эволюция наблюдается на примере молодёжи потока «ссуз».

Дополнительное образование играет специфическую роль в зависимости от профессионально-квалификационной принадлежности молодёжи. Так, в потоке «ПУ» чаще других обращаются к дополнительному обучению лица, сохранившие только начальное профессиональное образование – 30,9%. Эта наиболее массовая подгруппа представлена рабочими, большая часть которых за 10-летний трудовой стаж (гораздо больший, чем у лиц с высшим образованием) сменила не одну рабочую специальность и в ходе этих смен неизбежно много раз обращалась к дополнительному обучению (чаще всего на профессиональных курсах или в системе переподготовки), что соотносительно увеличило среди них долю потребителей такого образования.

Образовательные пути

Наряду с конечным (на данный момент) результатом – уровнем достигнутого спустя десять лет формального образования – различия в социальном поведении молодёжи разных потоков обнаруживаются и в образовательных путях, которые вели к этим достижениям (см. таблицу 3).

По многим показателям образовательные траектории молодёжи потока «школа» характеризуются преимуществами по отношению к потоку «ссуз» и тем более «ПУ». Их отличают более широкий спектр выбора ступеней образования и цепочек последовательных учебных заведений, наличие наиболее высоких достижений (второго высшего образования, аспирантуры), а главное – получение высшего образования более высокого качества: в дневной форме обучения. Таких в потоке «школа» 60,9%, в потоке «ссуз» – 18,6% и в потоке «ПУ» – 5,8%.

Соотношение численности обучавшихся в дневных вузах и вузах вечерних/заочных у «школьников» составляет 89% к 11%, в потоке «ссуз» – 41% к 59%, а в потоке «ПУ» – 38% к 62%.

Таблица 3

**Тип образовательной траектории после окончания
«стартового» среднего учебного заведения, %**

Тип траектории	«Школа»	«Ссуз»	«ПУ»
Вуз дневной + аспирантура	2,2	-	-
Вуз дневной + вуз вечерний/ заочный	4,4	1,8	-
Вуз дневной	54,3	16,8	5,8
Вуз вечерний/заочный	7,7	26,5	9,3
в т. ч. ссуз + вуз	[8,4]	-	-
в т. ч. ПУ + вуз	[1,8]	-	-
Вуз неоконченный	2,9	5,9	2,3
Вуз, учится сейчас	-	2,5	1,2
Ссуз дневной	14,3	0,9	17,4
Ссуз вечерний/заочный	1,1	0,9	1,2
ПУ	7,4	-	-
Профессиональные курсы	-	-	4,7
Сохранили «стартовое» образование	5,5	45,1	58,2

Иначе говоря, для «школьников» характерно преобладающее дневное обучение, для «ссузовцев» – небольшое преобладание вечерних и заочных форм, а для «ПУ-шников» – большой перевес обучения без отрыва от работы. Доступ к бюджетным учебным местам также складывается в пользу, прежде всего, окончивших средние школы: доля плативших за учёбу в вузе составляла 41,9% из числа обучившихся в потоке «школа», 49,1% в потоке «ссуз» и 76,9% в потоке «ПУ». Платное обучение, предоставляемое коммерческими структурами, филиалами учебных заведений и т. п., чаще оказывается менее качественным. Таким образом, даже если свести представление о качественном высшем образовании только к показателям «дневное обучение» и «бюджетные учебные места», то оказывается, что доступ к нему носит по большей части характер социальной селекции.

Для «школьников» характерно преобладающее дневное обучение, для «ссузовцев» – небольшое преобладание вечерних и заочных форм, а для «ПУ-шников» – большой перевес обучения без отрыва от работы. Таким образом, даже если свести представление о качественном высшем образовании только к показателям «дневное обучение» и «бюджетные учебные места», то оказывается, что доступ к нему носит по большей части характер социальной селекции.

«Школьники» несколько успешнее учатся в вузах, среди них меньше лиц, не завершивших обучение (соотношение численности получивших высшее образование и имеющих траекторию «вуз неоконченный» составляет в потоке «школа» 96% к 4%, в потоке «ссуз» – 88% к 12% и в потоке «ПУ» – 86% к 14%). Они также чаще без потерь времени и, следовательно, раньше по возрасту заканчивают вузы (среди них нет, а в потоках «ссуз» и «ПУ» есть те, кто спустя десять лет всё ещё являются студентами). Сегодня у молодёжи одним из приоритетов становится вопрос о карьере, забота о необходимости её заранее формировать. В выстраивании карьеры задержка во времени трактуется как барьер, как упущенные заработки (доходы). Выпускники средних школ, тем самым, имеют временную фору, привилегию в становлении и развитии профессиональных карьер. В целом, чем более значительными оказываются в совокупности первоначальные образовательные и социальные ресурсы контингента молодёжи (в нашем случае – «образовательных потоков»), тем успешнее складываются образовательные траектории, тем более качественное и более высокого уровня образование получают их представители.

Образовательные траектории и достигнутые социально-профессиональные позиции

Выявление специфики социально-профессиональной интеграции молодёжи с различными стартовыми образовательными ресурсами позволило установить ряд взаимозависимостей между объёмом и качеством накопленных образовательных ресурсов и достигнутыми социально-профессиональными статусами. Первоначальный образовательный ресурс (соотносимый с «потоком» в сфере образования) и специфика образовательной траектории сказываются на достигаемых социально-профессиональных позициях. В ходе анализа отдельно, по однородным группам с точки зрения уровня достигнутого образования, сравнивались статусы, получаемые молодёжью разных потоков спустя десять лет. Учитывалось, что достижение того или иного профессионально-квалификационного статуса отражает итог соединения на рынке труда предлагаемых компетенций и спроса на них, поэтому в достигаемом статусе проявляются движения профессиональной мобильности, а сам он представляет реализацию конкурентных возможностей, которые создаёт та или иная образовательная подготовка с точки зрения уровня и профиля квалификации.

Достижение высшего образования. Распределение спустя десять лет по социально-профессиональному статусу молодёжи разных потоков, достигшей высшего образования, представлено на рис. 1.

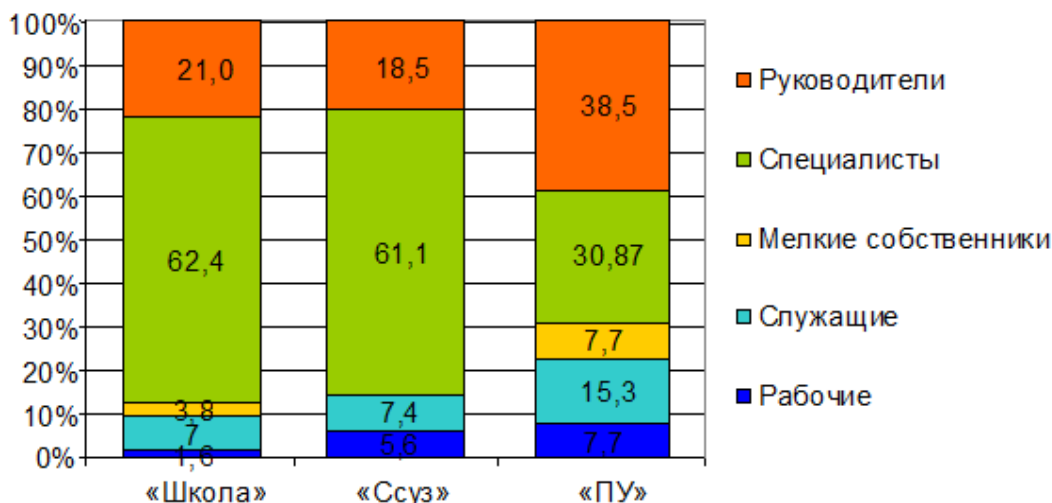

Рис. 1. Распределение спустя десять лет по социально-профессиональному статусу молодёжи разных потоков, достигшей высшего образования, %

В целом отмечают очень небольшие расхождения между потоками «школа» и «ссуз»: основная и практически одинаковая часть (62,4% и 61,1%) того и другого контингентов молодёжи становится специалистами, на порядок меньшая часть (7,0% и 7,4%) – служащими, одновременно «школьники» получают некоторое преимущество в достижении позиций руководителей (21,0% против 18,5%) и ничтожно малая их доля (и меньшая, нежели у молодёжи потока «ссуз» – 1,6% против 5,6%) занимают позиции рабочих. О конкурентных преимуществах потока «школа» свидетельствует состав категорий руководителей и специалистов. «Школьники» с высшим образованием чаще, чем «ссузовцы», достигают более высоких позиций руководителей: среди них относятся к крупным собственникам и высшему уровню управления в госсекторе 5,4%, а к низшему и среднему уровню руководства – 15,6%, тогда как в потоке «ссуз» это соотношение составляет 1,8% к 16,7%. Стартовавших после дневной школы получение высшего образования и последующая подготовка может вести в категорию творческих, научных работников (4,3%), а среди получающих высшее образование после учебы в ссузах таковых нет. В этом, безусловно, сказалась более высокая конкурентоспособность получивших среднее образование в дневной школе (в наиболее престижных вузах – Новосибирском государственном университете, Новосибирском государственном техническом университете – обучалось 16,1% «школьников» и 7,3% «ссузовцев»; в привлекательных отраслевых вузах экономики и права училось 5,4% молодёжи потока «школа» и никто из респондентов потока «ссуз»). Рабочие места в негосударственном секторе, где сегодня существенно выше оплата труда и куда более всего стремится молодёжь, чаще получают лица с высшей подготовкой, полученной после дневной школы, нежели после ссуза:

Стартовавших после дневной школы высшее образование и последующая подготовка может вести в категорию творческих, научных работников (4,3%), а среди получающих высшее образование после учебы в ссузах таковых нет. Рабочие места в негосударственном секторе, где сегодня существенно выше оплата труда, чаще получают лица с высшей подготовкой, полученной после дневной школы, нежели после ссуза.

соотношение специалистов, занятых в госсекторе и занятых в негосударственном секторе, у «школьников» 31,7% к 26,3%, а у «ссузовцев» – 39,3% к 21,8%.

Распределение по статусам получивших высшее образование после обучения в «стартовом» ПУ отличается от двух предыдущих потоков, с одной стороны, большей поляризацией (здесь выше доля как руководителей – 30,8%, так и рабочих – 7,7%), с другой стороны, – меньшим соответствием достигнутых квалификационных статусов имеющемуся уровню высшего образования: доля руководителей и специалистов, статусы которых предполагают наличие высшего образования, в потоке «ПУ» равняется 69,3%, в сравнении с 83,4% в потоке «школа» и 79,6% в потоке «ссуз». Тот факт, что молодёжь потока «ПУ», в отличие от других, получает высшее образование только в вечерней и заочной форме обучения, обуславливает «генетическую» связь достигаемых впоследствии статусов с теми позициями, которые она занимала изначально после выпуска из ПУ. Данные о трудоустройстве выпускников ПУ свидетельствуют, что получение на «старте» рабочей квалификации, в условиях низкой оплаты труда новичков на производстве и в госсекторе, в массовых масштабах выводило эту категорию молодых работников в сферу сервиса и в частный сектор. Поэтому те, кто десять лет спустя после учёбы в вузе стали руководителями, представлены только негосударственным сектором, они же достигают только уровня руководства средним и низшим звеном. То есть именно в этой нише – для начинающих после подготовки в ПУ в качестве квалифицированных исполнителей в частном секторе – получение высшего образования оказывается очень действенной «социальной возгонкой» (доля руководителей в потоке «ПУ» оказывается выше, чем у «школьников» и «ссузовцев»), но рост ограничивается позициями нижнего уровня руководства – организационного управления бизнесом. Так же только в частном секторе достаются места специалистов тем, кто окончил вуз после ПУ, причём получить адекватные уровню высшей подготовки рабочие места и статусы удаётся только части молодёжи этой подгруппы: становятся специалистами 30,8% (гораздо реже, чем в потоках «школа» и «ссуз»), и такая же часть (в сумме) занимают более низкие статусы служащих, мелких собственников и рабочих. Подобная низкая конкурентоспособность знаний и квалификаций молодёжи, получившей подготовку в вузе после ПУ, свидетельствует о том, что этот контингент – по преимуществу «новички» в поле высшей школы (дети главным образом рабочих и родителей, не имеющих высшего образования) – чаще попадает в ловушки девальвированного с точки зрения качества и специализации высшего образования.

Итак, получение высшего образования после дневной школы и после обучения в ссузе открывает перед молодёжью обоих потоков относительно схожие перспективы социального и профессионально-квалификационного продвижения.

Преимущества большего объёма культурного капитала, накопленного при обучении в дневной школе, и его дальнейшего относительно более частого аккумуляирования в «элитном» секторе высшего образования, обнаруживаются наиболее зримо в продвинутых карьерах и профессиях творческого труда небольшой части контингента. В остальном отмечается сходная эффективность получения высшего образования указанными двумя путями. Это, видимо, хорошо улавливается общественным сознанием, поскольку стратегия получения высшего образования, опосредованная намеренным выбором ссуза после основного образования (в качестве «промежуточного» этапа учёбы), является довольно типичной для некоторых социальных групп и категорий: тех, кто либо осознаёт свои более низкие конкурентные возможности (хуже учится в школе), либо ориентируется на использование существовавшей до сих пор в ряде отраслей институциональной преемственности ступеней среднего и высшего профессионального образования (например, учебных заведений педагогического, сельскохозяйственного, в некоторых случаях технического профиля). В сравнении с получением высшего образования после окончания дневной школы или ссуза, образовательная и профессиональная траектории, начинающиеся с получения начального профессионального образования и выхода с ним на рынок труда, даже при наращивании в дальнейшем образовательных ресурсов до уровня высшего образования дают их носителям в целом более низкие позиции (почти треть имеет занятия, не предполагающие наличия высшего образования); и только для части занятых в негосударственном секторе сферы услуг создают возможности перехода к выполнению функций организационного руководства бизнесом.

Достижение среднего специального образования.

Изучение распределения по статусам молодёжи разных потоков со средним специальным образованием позволяет выявить те различия в достижениях, которые создаёт подготовка в системе СПО, с одной стороны, по типу «длинного образовательного пути» – на базе имеющегося среднего образования (после средней школы и среднего ПУ) и более осознанного выбора сферы деятельности в старшем возрасте; и с другой стороны, «короткого образовательного пути» – на основе раннего самоопределения после 9-летки и ограничения формального образования только подготовкой в ссузе (см. сравнение на рис. 2 данных о распределении, с одной стороны, потоков «школа» и «ПУ» и, с другой – потока «ссуз»).

Структура распределения по социально-профессиональным статусам лиц, достигших СПО после средней школы и ПУ, довольно схожа. Подготовка в отделениях на базе среднего образования открывает возможности для занятия преимущественно мест служащих (59% молодёжи потока «школа» и 68,9% – потока «ПУ») и гораздо реже – мест квалифицированных рабочих (соответственно 12,8% и 18,8%). Кроме

того, она способствует, хотя и в меньшей степени, нежели подготовка в вузе, социальной мобильности: становятся руководителями 7,7% из потока «школа» и 6,3% из потока «ПУ», при этом среди бывших школьников есть руководители как высшего, так и среднего/низшего звена, а среди респондентов-«ПУ-шников» лишь последние. Ещё небольшой части «школьников» со средним специальным образованием удаётся устроиться на рабочие места, формально предполагающие наличие высшего образования, – специалистов в негосударственном секторе (5,1%).

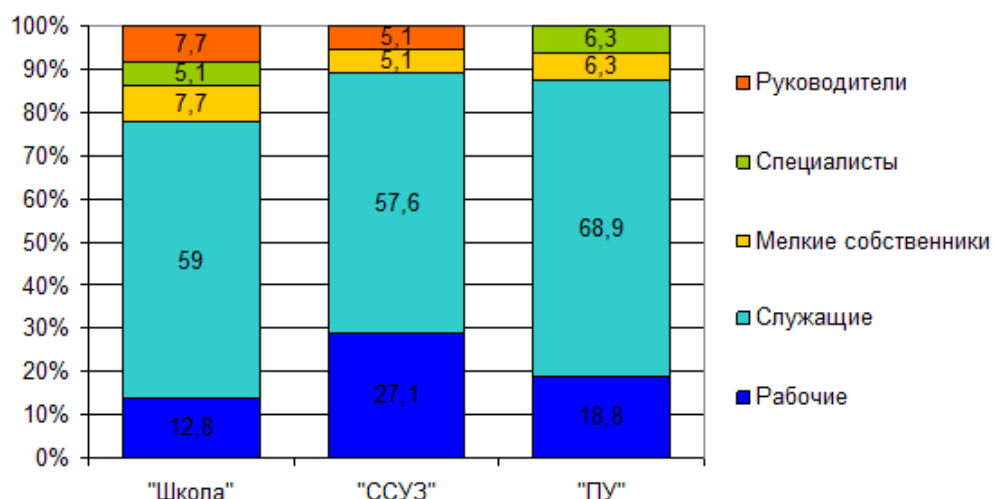

Рис. 2. Распределение спустя десять лет по социально-профессиональному статусу молодёжи разных потоков, достигшей среднего специального образования

У получивших среднее специальное образование в отделениях на базе 9-летки и сохранивших только данный уровень формального образования на протяжении десяти лет трудовой жизни выше, чем у обучавшихся по типу «длинного образовательного пути», вероятность оказаться на позициях рабочих (27,1% молодёжи потока «ссуз» против 18,8% в потоке «ПУ»), соответственно относительно меньше шансов занять более массовые позиции служащих (57,6% в сравнении с 68,9%), а также позиции мелких собственников. В этом сказывается влияние структуры подготовки по отраслям и специальностям отделений на базе основной школы, более, чем в отделениях на базе средней школы, смещённой в сторону производственного сектора, а также проявляются процессы депрофессионализации и деквалификации, затрагивающие некоторую часть молодых работников с подобной подготовкой.

Не работали на момент опроса по полученной в СПО специальности 33,9% молодёжи потока «ссуз» (сохранившей это образование), что связано главным образом с непривлекательно низкими социальными характеристиками (в первую очередь низкой зарплатой) рабочих мест, предлагаемых на рынке труда работникам данных квалификаций. Как показывают результаты качественного исследования (интервью

с частью представителей выборки), при смене специальности и поисках подходящей работы они чаще вынуждены соглашаться на девальвацию образовательных ресурсов, понижение уровня квалификации и статуса ради занятости, обеспечивающей приемлемый заработок; при этом, такое согласие, как правило, находит поддержку в их габитусе и социальном происхождении из рабочих. Депрофессионализация, затронувшая гораздо сильнее молодёжь потока «школа» (48,6% не работают по специальности, полученной в ссузе), проходила, как правило, путём конверсии совокупности образовательных ресурсов и не сопровождалась у большинства деквалификацией и сильным понижением статуса. В потоке «ПУ» около половины не использующих подготовку в СПО (25% из 43,8%) вернулись к первоначально полученной в училище профессии.

Таким образом, подготовка в СПО по типу «длинного образовательного пути» ведёт к более высоким профессионально-статусным позициям, нежели «короткий образовательный путь». Наличие большего культурного капитала (в виде предварительного среднего образования и среднего образования более высокого уровня) позволяет, получив подготовку в системе СПО, более выгодно «обменивать» её на рынке труда на рабочие места и квалификации, нежели в случае, когда специальность в ссузе приобретают, выбирая её после основной школы.

Получившие начальное профессиональное образование. Наличие в качестве наивысшего уровня начального профессионального образования (см. рис. 3) отрывает перед обладателями (получившими подготовку как после средней, так и основной школы) преимущественно карьеры либо рабочих, либо служащих: около двух пятых в том и другом потоке становятся рабочими, а служащими – столько же в потоке «школа» и около трети в потоке «ПУ». Шансы выйти за пределы этих массовых позиций у окончивших ПУ на базе 9-летки связаны главным образом с занятием мелким бизнесом (16,4% контингента).

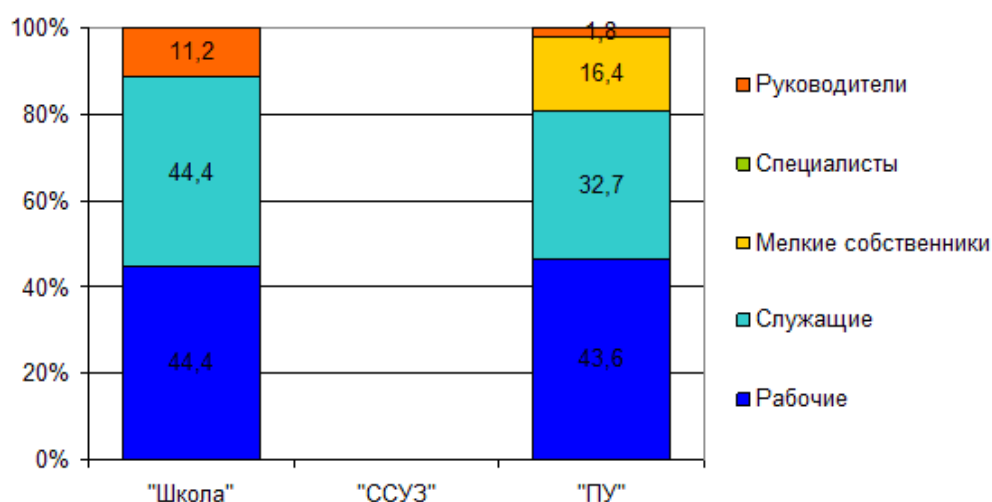

Рис. 3. Распределение спустя десять лет по социально-профессиональному статусу молодёжи разных потоков, имеющей начальное профессиональное образование

Тот факт, что самая большая доля мелких собственников отмечается у самой малоресурсной из всех трёх рассматриваемых групп молодёжи (см. рис. 1–3), может объясняться именно тем, что у них меньше, чем у кого-либо, любых других альтернатив социального прорыва. Благодаря школьному багажу образования на базе дневной 11-летки небольшой части молодёжи потока «школа» (11,2%) даже при наличии только НПО удаётся достичь статусов руководителей (нижнего звена); таковых практически нет в потоке «ПУ».

Намного большие возможности социально-профессионального продвижения открывает перед молодёжью со стартовым образованием в объёме среднего ПУ накопление ступень за ступенью ресурсов формального образования (сравнение статусов потока «ПУ» на рис. 1–3). Если распределение по статусам лиц, ограничившихся только подготовкой в НПО, даёт пропорции «две пятых рабочих + одна треть служащих + одна шестая мелких собственников», то повысившие уровень образования до СПО представлены преимущественно служащими (до семи из десяти), а также рабочими (почти одна пятая); а из достигших высшего образования более трети становятся руководителями низшего звена, менее трети – специалистами, 15% – служащими и вдвое меньше – рабочими. Таким образом, изучение образовательных и профессиональных траекторий выпускников средних ПУ позволяет вскрыть значительную эффективность среднего НПО. Этот результат – важный аргумент в сегодняшней дискуссии о реформировании системы профтехподготовки: сохранять ли в НПО длительные программы обучения, включающие предоставление хотя бы сокращённого объема среднего образования, или переходить на короткие программы, ориентированные только на быстрое получение квалификации, актуальной для рынка труда. Немедленный прямой экономический результат действия таких краткосрочных программ вполне очевиден. Вместе с тем, нельзя не учитывать не только тактические, но и стратегические, латентные социальные эффекты. Наряду с хорошо известной социальной функцией, которую выполняют средние ПУ, удерживая в системе образования и предоставляя подготовку социально «трудному» контингенту молодёжи, они, как показывают результаты исследования, открывают ей перспективы, предоставляют возможности социального продвижения, тем самым улучшают её положение в социетальном плане.

Накопление образовательных ресурсов и социальное самочувствие

Накопление образовательного потенциала предопределяет не только объективное социальное положение респондентов, но существенно сказывается на субъективном самоощущении

Тот факт, что самая большая доля мелких собственников отмечается у самой малоресурсной из всех трёх рассматриваемых групп молодёжи, может объясняться именно тем, что у них меньше, чем у кого-либо, любых других альтернатив социального прорыва.

и самооценках. Продемонстрируем это на примере молодёжи потока «школа». Ответы на вопрос «Удовлетворены ли Вы жизнью в целом?» молодёжи с разным объёмом накопленных образовательных ресурсов (см. табл. 4) показывают, что оценки по шкалам «удовлетворённости / не удовлетворённости» распределяются по мере роста уровня образования практически в линейной зависимости. Больше всего «совсем не удовлетворённых» и «не удовлетворённых» среди наименее образованных (соответственно 6,3% и 12,5% лиц со средним общим образованием), на следующей образовательной ступеньке (среди имеющих начальное профессиональное образование) – концентрация ответов (55,6%) на оценке «средняя удовлетворённость», с подъёмом ещё на одну ступень достигнутого образования оценки сосредотачиваются на позиции «удовлетворён» (59,0% тех, кто имеет среднее профессиональное образование) и самые высокообразованные чаще всего отмечают оценку «вполне удовлетворён» (51,9% молодёжи с высшим и более высоким образованием).

Таблица 4

«Удовлетворены ли жизнью в целом» в зависимости от уровня достигнутого образования, % от числа ответивших по подгруппам, поток «школа»

Удовлетворены ли жизнью в целом	Уровень достигнутого образования:			
	Среднее общее	Начальное профессиональное	Среднее профессиональное	Высшее, два высших, аспирантура
Совсем не удовлетворён	6,3	0,0	0,0	0,0
Не удовлетворён	12,5	5,6	2,6	0,5
Средне	37,5	55,6	7,7	7,0
Удовлетворён	37,5	16,7	59,0	40,6
Вполне удовлетворён	6,3	22,2	30,8	51,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

На оценки удовлетворённости жизнью влияет не только формальное, но и дополнительное образование. У получавших дополнительное образование, в сравнении с не получившими его, распределение по шкалам «удовлетворённости / не удовлетворённости» оказывается с заметным сдвигом в пользу оценок большей удовлетворённости.

Положительное воздействие накопления человеческого капитала на самооценки – устойчивая тенденция. Зависимость, аналогичная той, что была продемонстрирована для показателя «удовлетворённости жизнью в целом», обнаруживается и на примере других показателей социального самочувствия.

Респондентов спрашивали: «Добился ли в жизни большего, чем родители?». Распределение ответов по подгруппам с разным уровнем образования показало линейную зависимость, где полярными оказываются положения двух подгрупп: большинство лиц с общим средним образованием отвечают на этот вопрос «скорее нет» (37,5%) и «нет» (37,5%), а подавляющая часть тех, кто имеет высшее образование, выбирают ответы «скорее да» (32,8%) и «да» (54,8%). У промежуточных образовательных подгрупп в распределении ответов проявляются те же тенденции: у лиц с начальным профессиональным образованием 44,4% ответов «скорее нет» и 22,2% – «скорее да», а те, у кого среднее профессиональное образование, отмечают «скорее да» (38,5%) и «да» (41%). У получавших дополнительное образование в сравнении с не получавшими его наблюдается заметное смещение в сторону положительных ответов.

Похожим образом складывается распределение ответов на вопрос «Если бы Вы сегодня заканчивали школу, то повторили бы Вы свой жизненный путь?». Лица со средним общим образованием в 60% случаев отмечают «в корне бы всё изменил»; те, у кого начальное профессиональное образование, в 55,6% случаев – «кое-что бы изменил»; молодёжь со средним профессиональным (51,3%) – «всё бы повторил»; тот же ответ выбирают ещё чаще те, кто получил высшее образование (70,3%). Среди получавших дополнительное образование 64,3% ответили «всё бы повторил» и 6% – «в корне бы всё изменил»; в то время как среди тех, кто такого образования не получал, это соотношение – 47,1% к 18,8%.

Выстраивание профессиональной карьеры всё более зависит от того, насколько интенсивно и целенаправленно молодёжь накапливает знания, навыки, квалификации – всё то, что в совокупности определяется как человеческий капитал. При этом группы молодёжи с различными начальными стартовыми ресурсами среднего образования располагают не одинаковыми реальными возможностями последующего накопления образовательных ресурсов – повышения формального образования, обращения к дополнительному обучению, выстраивания типов образовательных путей, которые вели к тем или иным достижениям. Чем более значительными оказываются в совокупности первоначальные образовательные и социальные ресурсы контингента молодёжи, тем успешнее складываются образовательные траектории, тем более качественное и более высокого уровня образование получают их представители. Увеличение объёма и качества образовательных ресурсов сопровождается восхождением молодёжи по ступеням социально-профессионального статуса, между тем на это позиционирование достаточно длительно сохраняют своё влияние различия первоначальных ресурсов «стартового» образования и социальных характеристик разных групп молодёжи. Одновременно инвестиции в человеческий капитал, особенно в образование,

У получавших дополнительное образование, в сравнении с не получившими его, распределение по шкалам «удовлетворённости / не удовлетворённости» оказывается с заметным сдвигом в пользу оценок большей удовлетворённости. Положительное воздействие накопления человеческого капитала на самооценки – устойчивая тенденция.

приносят выгоды, не связанные непосредственно с доходами, а выражающиеся, в частности, в повышении социальной самооценки личности.

Библиографический список

1. Galland, O. Sociologie de la jeunesse. L'entrée dans la vie. – Paris: Armand Colin, 1991.
2. Les jeunes et les autres (Contributions des sciences de l'homme a la question des jeunes, coordonnées par François Proust). – Paris, 1985.
3. Schultz, T.W. The Economic Value of Education. – N.Y.: Columbia University Press, 1963.
4. Becker, G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. – N.Y.: National Bureau of Economic Research, 1964.
5. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
6. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. – СПб.: Наука, 1999.
7. Вознесенская Е.Д., Хохлушкина Ф.А. Образовательные и профессиональные траектории выпускников учебных заведений довузовского профессионального образования // Социология образования. 2009, № 2.
8. Когда наступает время выбора. Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений / Отв. ред. Г.А. Чередниченко. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
9. Константиновский Д. Л., Чередниченко Г. А. Система образования: открытые двери или дифференциация возможностей? // Россия реформирующаяся. Ежегодник-2003 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: ИС РАН, 2003.
10. Образование и наука в процессе реформ. Социологический анализ / Ред.-сост. Д.Л. Константиновский, Л.П. Веревкин. – М.: ЦСП, 2003.
11. Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории выпускников средних школ // Социология образования. 2009, № 1.